

родны; а если и не будете поэтомъ—что жъ! вы будете человѣкомъ, а это, право, стоитъ всякаго поэта...

Грамматическія разысканія. В. А. Васильева.
1) *О буквахъ ѣ.* 2) *Объ образованіи именъ уменьшительныхъ рода мужескаго и женскаго.* Спб. 1845.

Появленіе книжки Васильева очень порадовало насъ. Въ самомъ дѣлѣ, давно бы уже пора приняты намъ за разработываніе русской грамматики.—А то—вѣдь стыдно сказать!—грамматика полагается у насъ въ основаніе ученію общественному и частному,—а между тѣмъ у насъ нѣтъ рѣшительно ни одной удовлетворительной грамматики! И какъ же бы могла она явиться у насъ, когда теорія языка русскаго почти не начата, и для грамматики, какъ систематическаго свода законовъ языка, не приготовлено никакихъ данныхъ? Оттого, если сличить двѣ русскія грамматики разныхъ составителей, напри- мѣръ, грамматику Греча съ грамматикой Востокова,—подумаешь, что каждый изъ нихъ разсуждаетъ объ особенномъ языкѣ, или что онѣ отдѣлены одна отъ другой большимъ промежуткомъ времени. Каждый пишущій въ Россіи руководствуется своей собственной грамматикой; нововведенія, этимологическимъ, синтаксическимъ и орфографическимъ, нѣтъ числа и мѣры: всякій молодецъ на свой образецъ! И между тѣмъ, не смотря на воли нѣкоторыхъ старыхъ писакъ противъ этой грамматической анархіи, въ которой они видятъ злоупотребленіе и чуть не разбой,—при настоящемъ положеніи русскаго языка эта грамматическая анархія неизбежна и необходима—даже полезна и благотворна... Русский языкъ еще не установился,—и дай Богъ, чтобы онъ еще какъ можно долѣе не установился, потому что чѣмъ долѣе будетъ онъ устанавливаться, тѣмъ лучше и богаче установится онъ. Есть люди, которые вѣрятъ, или только дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, будто Карамзинымъ русскій языкъ совершенно утвердился и дальше итти не можетъ: много благодарны за этотъ языкъ-скорописѣлку, которому только безъ году недѣля, а онъ ужъ и состарился! Какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ моментовъ развитія русскаго языка, мы принимаемъ Карамзинскій языкъ съ любовью, уваженіемъ, благодарностью и даже, если хотите, съ удивленіемъ; но намъ и даромъ не нужно Карамзинскаго языка, если въ немъ должно видѣть совершенно установившійся языкъ русскій.. Мы думаемъ, что если Крыловъ и обязанъ Карамзину чистотой своего языка, то все же языкъ Крылова во сто разъ выше языка

Карамзина, по той простой причинѣ, что языкъ Крылова до *нес plus ultra* языкъ русскій, тогда какъ языкъ Карамзина только въ «Исторіи Государства Россійскаго» обнаружилъ стремленіе быть языкомъ русскимъ, а до тѣхъ поръ обнаруживалъ стремленіе только не быть славяно-латинско-нѣмецкимъ, или Ломоносовскимъ языкомъ (что и было со стороны Карамзина великой заслугой). Но сфера языка Крылова сама по себѣ довольно ограничена, и потому не въ ней русскій языкъ могъ достигъ своего установленія, и не на баснѣ остановиться. Ему надо было итти, и онъ пошелъ впередъ, содѣйствіемъ Жуковскаго, Батюшкова, Гнѣдича, самого Карамзина, который въ своей «Исторіи Государства Россійскаго» говорилъ совсѣмъ другой манерой, нежели прежде,— правда, манерой еще болѣе искусственной, но зато и болѣе полезной для успѣха русскаго языка. Явился Пушкинъ—и русскій языкъ сбѣлѣлъ новую силу, прелесть, гибкость, богатство, а главное—сталъ развязенъ, естествененъ, сталъ вполне русскимъ языкомъ. Поэтому, слушая людей, которые наивно утверждаютъ, что Карамзинъ кончилъ, такъ сказать, воспитаніе русскаго языка, и совсѣмъ умалчиваютъ о Пушкинѣ, какъ будто бы въ дѣлѣ языка онъ не заслуживаетъ и упоминovenія,—невольно вспоминаешь стихъ Крылова, обратившійся въ пословицу:

Слона-то я и не замѣтилъ!

Теперь посмотрите: Ломоносовъ устанавливаетъ славяно-латинско-нѣмецкую форму русскаго языка, всѣми принятую безусловно; но въ писателяхъ Екатерининскаго вѣка уже виденъ въ ходѣ языка значительный успѣхъ: Державина и Фонвизина, по отношенію къ языку, уже никакъ нельзя сравнивать съ Ломоносовымъ. Карамзинъ, такъ сказать, убиваетъ на-смерть языкъ Ломоносова, съ одной стороны, представивъ образцы новой прозы, а съ другой—вмѣстѣ съ Дмитріевымъ—представивъ образцы стиха, далеко въ отношеніи къ языку (а не поэзіи) опередившаго стихъ Державина. Мало этого: лишь только проза его сдѣлалась образцовой и начала развиваться далѣе содѣйствіемъ Жуковскаго, какъ онъ самъ отрекается отъ нея и въ своей «Исторіи» силится создать совсѣмъ другого рода прозу. О Крыловѣ мы говорили. Стихъ Жуковскаго и Батюшкова неизмѣримо далеко оставляетъ за собой стихъ Дмитріева и Карамзина; Гнѣдичъ создаетъ русскій гекзаметръ и дѣлаетъ русскій языкъ способнымъ для воспроизведенія изящной древней рѣчи эллинской. Кажется, много сдѣлано? Трудно повѣрить, чтобы можно было итти дальше? И что